
XXI СТОЛЕТИЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

А. В. КОРОТАЕВ, Л. М. ИСАЕВ,
Ю. В. ЗИНЬКИНА

НОВАЯ ВОЛНА РЕВОЛЮЦИЙ В РЕГИОНЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

В конце 2010-х гг. страны Ближнего Востока и Северной Африки / БВСА захлестнула новая революционная волна, получившая название «арабская весна 2.0». В настоящей статье предложены предварительное описание и анализ этой революционной волны в регионе БВСА. Масштабы протестов конца 2010-х гг. приблизились к масштабам «арабской весны» и привели к падению режимов в Судане, Алжире и Мали. Более того, протесты приобрели перманентный характер в Ливане и Ираке, а в Египте и Иране они были подавлены ценой значительных жертв среди гражданского населения. Как и в случае с событиями «арабской весны», новая революционная волна характеризовалась эффектом домино, когда успех революционеров в одной из стран региона порождал рост протестных настроений в другой. Важным синхронизирующим фактором стало также недовольство ростом цен на продукты питания и топливо, вызвавшее выход людей на улицы во всех странах «арабской весны 2.0». При этом экономическая повестка быстро сменилась политической и актуа-

---

* **Для цитирования:** Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Зинькина, Ю. В. 2023. Новая волна революций в регионе Ближнего Востока и Северной Африки в глобальной перспективе. *История и современность* 4: 79–118. DOI: 10.30884/iis/2023.04.04.

For citation: Korotayev, A. V., Issayev L. M., Zinkina Yu. V. 2023. A New Wave of Revolutions in the Middle East and North Africa Region in a Global Perspective. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 79–118 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2023.04.04.

История и современность, № 4, декабрь 2023 79–118

DOI: 10.30884/iis/2023.04.04

лизировала в каждой из стран застарелые нерешенные проблемы, носившие, как правило, системный характер. С другой стороны, события новой революционной волны отличались ярко выраженной направленностью «против всех», против политического класса в целом, а не только против конкретного автократа, как чаще всего наблюдалось во время «арабской весны». Не случайно главным лозунгом новой революционной волны было «Все должны уйти» (с вариациями). Иными словами, столкнувшись с ситуациями, когда уход диктатора ничего не решает или политическая система в принципе не предполагает его существования, протестующие направили свое недовольство против всего политического истеблишмента.

Ключевые слова: революция, революционная волна, протесты, «арабская весна 2.0», терроризм, Ближний Восток, Северная Африка, БВСА, страны Сахеля.

Революция во всех странах!

Одна из революционных речевок, которые можно было услышать на улицах ливанских городов (кстати, ее исполняли исключительно протестующие женского пола) в 2019 г., во время «революции 17 октября», звучала следующим образом (17 October Revolution 2020a, 2020b; Hassan 2020; Kaul 2020):

مطالبنا بديهية // خبز وعدالة وحرية! // ثورة في كل البلدان! // من لبنان الى هونغ كونغ
 // بدنا نغني هذا الصونغ // وثورة في كل البلدان! // من لبنان الى ايران // الشعب معثر
 // وطفران // وثورة بكل البلدان! // من لبنان الى العراق // ثورة واحدة على السراق // وثورة
 // بكل البلدان! // من لبنان الى السعودية // بدنا نقضي على الرجعية // وعلى حراس الطائفية //
 // وثورة بكل البلدان! // من لبنان الى الجزائر // بدنا نقضي على الحكم الجائر // وثورة بكل
 // البلدان! // من لبنان الى السودان // من حقنا نعيش بامان // من تشيلي الى لبنان // الشعب كله
 // عنفوان // مصر ولبنان // ضد السيسي // وما بدنا نظام بوليسي // يا بحرین // علي صوتك //
 // ما بدنا أحد يهمشك // الشعب السوري // نحن مش ناسينك // على نظامك الله يعينك // يا
 // فلسطين يا حلوتنا // حريتك أولويتنا...

Для этой речевки можно предложить следующий перевод:

«Наши требования очевидны: // Хлеба, справедливости и свободы! // Революция во всех странах! // От Ливана до Гонконга // Мы хотим петь эту песню¹. // Революция во всех странах! // От Ли-

¹ Отметим, что в этом арабском тексте используется английское слово *song*. В целом, английские слова вполне могут встречаться в арабоязычных текстах некоторых современных арабских революционных песен (см., например: UWKmedia 2012). В другой версии этой песни (17 October Revolution 2020a, 2020b; ср.,

вана до Ирана // Народ несчастен и беден. // Революция во всех странах! // От Ливана до Ирака // Одна революция против воров. // Революция во всех странах! // От Ливана до Саудовской Аравии // хотим избавиться от отсталости // и бюстителей сектантства. // Революция во всех странах! // От Ливана до Алжира // Мы хотим положить конец несправедливому правлению. // Революция во всех странах! // От Ливана до Судана // Мы имеем право жить в мире. // От Чили до Ливана // Народ весь в ярости. // Египет и Ливан против Сиси, // Нам не нужен полицейский режим. // О Бахрейн! // Возвысь свой голос! // Мы не хотим, чтобы кто-то маргинализировал тебя. // Сирийский народ! // Мы вас не забываем, // Да поможет вам Бог [в вашей борьбе] с твоим режимом. // О Палестина, милая наша! // Твоя свобода – наш приоритет...»

Не может не впечатлять широта картины мировой революционной волны 2019 г., изображенная в этой ливанской революционной песне, и ощущение того, что ливанская революция является органичной частью этой глобальной волны. Ливанские революционеры даже не забыли сослаться на революционное движение в Гонконге и *Estallido Social* в Чили (особый интерес представляет тот факт, что революционные события 2019 г. в Чили действительно были типологически очень похожи на события в Ливане и Ираке, см. ниже). На самом деле эта ливанская революционная песнь совершенно прямо представляет новую волну революций в регионе БВСА в глобальной перспективе, поддерживая вывод Л. Е. Гринина и А. Л. Гринина (Grinin L., Grinin A. 2022) о том, что революционные события в регионе БВСА, начавшиеся в 2018 г., можно рассматривать как неотъемлемую часть третьей глобальной революционной волны XXI в., которая последовала за первой волной цветных революций 2000-х гг. и второй волной, то есть «арабской весной» с сопровождавшим ее глобальным революционным эхом² (общее описание глобальных революционных волн XXI в. см.:

например: Hassan 2020) используется слово «пинг-понг» (*al-bingh bungh*) вместо слов «этот *song*» (*hadha-l-sungh*).

² См., например: Коротаев, Исаев, Шишкина 2016; Коротаев, Шишкина, Исаев 2016; Коротаев, Мещерина и др. 2016, 2017, 2018; Коротаев, Гринин и др. 2017: 237–262, 2021: 88–167; Коротаев, Романов, Медведев 2019; Коротаев, Соковина, Шадрова 2020; Хохлов и др. 2021; Akaev *et al.* 2017; Ortman *et al.* 2017; Korotayev, Meshcherina, Shishkina 2018; Korotayev, Shishkina, Khokhlova 2022.

Голдстоун и др. 2022; Goldstone *et al.* 2022; см. также: Grinin L., Grinin A. 2022 касательно анализа недавней глобальной революционной волны и места недавних революционных событий в БВСА в этой волне)³.

Однако вполне закономерным образом основное внимание автора ливанской речевки привлекают как раз революционные события 2019 г. в регионе БВСА – в Судане, Алжире, Ираке, Иране и, конечно же, самом Ливане (см.: Kostelyanets 2022; Zoubir 2022; Mardasov 2022; Kozhanov 2022; Khatib 2022). Она даже намекает на протесты в Египте в сентябре 2019 г.⁴ Фактически эти протесты следует квалифицировать как квазиреволюционный, а не революционный эпизод⁵. Однако этот квазиреволюционный эпизод все же произвел сильное впечатление на революционно настроенную общественность региона БВСА, вполне органично вписавшись в революционную волну региона. Ливан не был исключением. Отметим, что предсказуемо активную роль в сентябрьских протестах 2019 г. в Египте сыграли футбольные ультрас (см., например: Коротаев, Исаев, Мардасов 2019), проявившие себя как одна из самых активных революционных сил этой страны в период революционных событий начала 2010-х гг. (см. также: Гринин и др. 2015: 251). На этом фоне весьма примечательно, что одну из самых известных песен египетских ультрас «Nikayitna» («Наша история»)⁶ довольно часто можно было услышать на улицах Бейрута во время «революции 17 октября» (17 October Revolution 2019a, 2019b, 2019c, 2020c, 2020d).

Создается впечатление, будто автор речевки рассчитывала, что революции охватят весь регион Ближнего Востока и Северной Африки – Саудовскую Аравию, Бахрейн, Сирию, Палестину...

---

³ Заметим, что недавнюю революционную волну следует рассматривать как четвертую (а не третью) глобальную волну революций XXI в., если мы определяем как третью глобальную революционную волну этого века «восстания против гибридных режимов (волну “центрального коллапса” в Таиланде, Украине, Боснии, Венесуэле, Турции, Тунисе, Египте) [в 2013–2014 гг.]» (Rozov 2022: 250; см. также: Коротаев и др. 2015; Korotayev *et al.* 2015).

⁴ См.: Mansour, Elhefnawy 2022.

⁵ О понятии «квазиреволюционный эпизод» см.: Beissinger 2022.

⁶ В этой песне описываются трагические события на футбольном стадионе египетского города Порт-Саид, произошедшие 1 февраля 2012 г.

Эти ожидания оправдались лишь частично. Дж. Голдстоун (Goldstone *et al.* 2022: 24) характеризует события 2021 г. в Иерусалиме, на Западном берегу и в секторе Газа как национально-освободительный революционный эпизод. Можно отметить возобновление протестов в Сирии (июнь 2020 г., г. Сувейда), которые были еще весьма далеки от революционного эпизода. С другой стороны, можно упомянуть революционный эпизод в Ливии в июле 2022 г. (см., например: Elumami, al-Warfali 2022), который можно рассматривать как продолжение недавней волны революций в БВСА; отметим, в частности, что он имеет много общего с недавними революционными событиями в Алжире, Ливане и Ираке.

А вот в отношении Саудовской Аравии и Бахрейна эти ожидания так и не оправдались. Арабские монархии в очередной раз продемонстрировали свои впечатляющие способности противостоять революционной дестабилизации (Zakharov, Issaev 2022; см. также: Хохлова, Коротаев 2020; Korotayev, Khokhlova 2022a). Особенно эффектно здесь выглядит Бахрейн, который в начале 2010-х гг. (вместе с Кувейтом) был ареной очень ярко выраженной и интенсивной революционной дестабилизации. На этом фоне особенно впечатляет полное отсутствие каких-либо революционных протестов в обеих монархиях во время недавней революционной волны в регионе БВСА. Отметим, что это явление объясняется в недавнем исследовании Е. С. Мелкумян (Melkoumyan 2022).

Хроника событий

В 2018 г. в Тунисе началась новая волна протестов, как это было и в начале «арабской весны 1.0». С 1 января 2018 г. в стране вступил в силу новый финансовый закон, повышающий налог на добавленную стоимость, а также налог с продаж автомобилей, алкоголя, телефонных звонков, Интернета, проживания в отелях и других товаров и услуг (Smith-Spark 2018). Кроме того, планировалось повысить ввозные пошлины на косметику и сельскохозяйственную продукцию. Принятие нового закона было частью политики жесткой экономии, проводимой правительством Юсефа Шахеда, пытавшимся вывести страну из экономического кризиса, возникшего в результате событий «арабской весны». На необходимость бюджетных сокращений в Тунисе также обратил внимание МВФ, основным требованием которого было сокращение штата государственного сектора, на чью долю приходилась половина всех расходов в стране (Blaise 2018).

Недовольство протестующих было использовано левыми оппозиционными силами, в том числе Партией народного фронта во главе с Хаммой Хаммами. Протестующие объявили о новой демонстрации в Тунисе 14 января 2018 г., в седьмую годовщину событий «арабской весны». Протесты и забастовки прокатились по всем крупным городам страны. Главным требованием протестующих был отказ правительства от мер жесткой экономии. Среди лозунгов тунисских протестов были слоган «Я не прощу», восходящий к антикоррупционному движению 2015 г., и «Чего мы ждем?» (Blaise 2018).

В то же время, осознавая недовольство населения непопулярными экономическими решениями правительства, правящая элита пыталась сделать все возможное, чтобы требования протестующих не приобрели политизированный характер. Глава кабинета министров Туниса Юсеф Шахед первоначально признал право протестующих на мирные демонстрации, но выступил против насильственных протестов. Партия правящей коалиции «Аль-Нахда» также признала право на законный гражданский протест, но предостерегла от «эксплуатации законных требований граждан некоторыми анархистскими группами» (Smith-Spark 2018).

События в Тунисе не привели к смене режима в стране и даже не повлияли на премьерство Юсефа Шахеда, но вновь, как и семь лет назад, стали первым предвестником новой протестной волны на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В мае 2018 г., сразу после событий в Тунисе, в Иордании прокатилась самая мощная волна протестов в этой стране со времен «арабской весны». Иорданский случай очень похож на тунисский. Как и Тунис, Иордания уже много лет переживает серьезный экономический кризис. Экономические трудности уже приводили к массовым протестам в 2011 г., но гнев протестующих был успокоен во многом за счет внешних финансовых вливаний, в первую очередь со стороны Персидского залива и Запада. Однако на протяжении 2010-х гг. правительство Иордании находилось «между двух огней». С одной стороны, необходимо было принять меры жесткой экономии, о чем, как и в случае с Тунисом, постоянно напоминал МВФ, требуя значительного сокращения доли занятости в государственном секторе. С другой стороны, король Абдалла II опасался, что принятие непопулярных экономических решений приведет к политизации экономических протестов (см.: Zakharov, Issaev 2022). На этом фоне попытки правительства Иордании секвестировать бюджет привели к недоволь-

ству со стороны граждан и необходимости вмешательства со стороны короля. Так было и в 2018 г., когда по всей стране вспыхнули протесты против повышения налогов и цен на продукты. Протестующие скандировали: «Маанаш», что на тунисском диалекте арабского языка означает «у нас нет» (Jordanian... 2018). По территориальному охвату и массовости это были крупнейшие акции протеста в стране с 2011 г. Правительство Хани ал-Мульки заявило, что принятые им меры должны спасти иорданскую экономику от сползания в долговой кризис. Однако протестующих это не удовлетворило.

Реакция короля была незамедлительной: на следующий день Абдалла II потребовал остановить рост цен на топливо. Как и в предыдущие разы, решением стало очередное финансовое вливание, которое обошлось бюджету в 20 млн долларов и поставило под вопрос политику жесткой экономии Мульки. В результате премьер-министр ушел в отставку, и его место занял министр образования Иордании Омар Раззаз (Jordan... 2018), первым решением которого было отозвать новый налоговый кодекс (Akouf 2018).

Абдалле II вновь удалось найти выход из сложившейся ситуации за счет успешной внешней политики. После его переговоров с лидерами Персидского залива, а также с Соединенными Штатами Вашингтон пообещал предоставить Иордании в общей сложности почти 6,4 млрд долларов до 2022 г. Сразу после протестов 2018 г. Саудовская Аравия и ОАЭ пообещали помощь в размере 2,5 млрд долларов в течение пяти лет. Вслед за ними Катар обязался инвестировать 0,5 млрд долларов в инфраструктуру Иордании (Qatar... 2018; Jordanian... 2018).

В июле 2018 г. проявились давние отголоски протестов в Ираке против правительства Хайдера аль-Абади. Как и в случае с Тунисом и Иорданией, протестующие выразили недовольство высоким уровнем коррупции и неспособностью властей справиться с экономическим кризисом. Граждане Омана также выступили с требованиями создания дополнительных рабочих мест и борьбы с безработицей. Первая демонстрация состоялась в начале 2018 г. и завершилась решением властей пойти на уступки демонстрантам и создать 25 000 рабочих мест в течение первой половины 2018 г. (Gill 2018).

Тем не менее в декабре 2018 г. в Омани вновь начались демонстрации против мер жесткой экономии и роста цен на топливо (Abouzzohour 2021). Несколько тысяч человек вышли на улицы

крупнейших городов Омана, требуя смягчения мер жесткой экономики и решения проблемы безработицы. В результате правительство Омана решило пойти на частичные уступки и инициировало создание Национального центра занятости для помощи в поиске работы (Oman... 2019).

Однако настоящая волна революционных событий в регионе началась в конце 2018 г., когда массовые протесты охватили суданский город Атбара, а затем города Донгола, Порт-Судан и Хартум (Kostelyanets 2022). Недовольные ростом цен на топливо, хлеб и товары первой необходимости, а также высоким уровнем инфляции суданцы вышли на улицы городов в декабре 2018 г. Одним из лозунгов суданского протеста стал известный еще со времен «арабской весны» *al-sha`b yurid isqat al-nizam!* – «Народ хочет падения режима!» (Several... 2018). При этом ведущую роль в организации, планировании и координации действий протестующих в Судане взяла на себя не политическая оппозиция, находившаяся в ослабленном и раздробленном состоянии, а суданские профессиональные объединения (см.: Kostelyanets 2022). Так можно было наблюдать старт декабрьской революции в Судане, положившей начало не только новой революционной волне, но и череде смен политических режимов.

Как и в случае с Египетской революцией 2011 г., власти пытались силой разогнать демонстрантов. Практически сразу после начала протестов власти Судана заблокировали доступ к социальным сетям и ввели цензуру в Интернете (Saba, Eltahir 2019). Многие протестующие, особенно представители студенчества, были арестованы. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы подавить протест. Напротив, как отметил губернатор штата Нил Хатем аль-Васила, «протесты начались мирно, а затем переросли в насилие и вандализм» (Several... 2018).

В январе 2019 г. начал проявляться внутриэлитный конфликт: правящая партия «Национальный конгресс» объявила о выходе из правительства и предложила передать власть переходному совету. В ответ на протесты и саботаж со стороны некоторых представителей политического истеблишмента Омар аль-Башир попытался усилить давление на демонстрантов, а также провести чистки среди представителей региональных властей. В феврале 2019 г. власти Судана объявили чрезвычайное положение и комендантский час. Ввиду демарша партии «Национальный конгресс» аль-Башир отправил в отставку правительство Мотазза Муссы, которого сменил

Мохамед Тахир Айяла. Кроме того, для сохранения монолитной власти главы 18 штатов были заменены представителями вооруженных сил и спецслужб (Amin 2019). После этого репрессии против протестующих только усилились (Alamin 2019).

Однако милитаризация правительства не помогла Омару аль-Баширу остаться у власти. В начале апреля 2019 г. суданская революция получила второе дыхание после того, как президент Алжира Абдельазиз Бутефлика объявил о своей отставке с поста президента после массовых протестов. 6 апреля 2019 г. Суданские ассоциации профессионалов объявили марш к штаб-квартире Суданских вооруженных сил. В этот момент обнажился очередной внутриэлитный раскол в стране, на этот раз между военными и спецслужбами. Пока последние по приказу аль-Башира пытались остановить толпу, армия, наоборот, перешла на сторону протестующих (Беленькая, Наумова 2019).

11 апреля 2019 г. министр обороны и вице-президент Судана Ахмад Авад ибн Ауф объявил об отстранении президента аль-Башира от должности и помещении его под домашний арест, а также о роспуске правительства, парламента и региональных властей (El Sirgany *et al.* 2019). Логика событий в Судане во многом схожа с Египетской революцией 2011 г. Массовые протесты против власти достаточно быстро обнажили конфликт элит внутри силового блока. В итоге на завершающем этапе протестов инициативу перехватили вооруженные силы, совершившие государственный переворот против действующего президента. В то же время успех суданской революции отчасти был обусловлен событиями в Алжире, где набрали обороты протесты против президента Бутефлики.

Протесты в Алжире против баллотирования уже недееспособного президента Бутефлики на пятый срок назревали давно, но смогли стать массовыми и обрести широкий территориальный охват в начале 2019 г., когда протесты против аль-Башира в Судане уже были в самом разгаре (Zoubir 2022). Протесты начались после того, как Бутефлика выдвинул свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах 10 февраля 2019 г. (Zerrouky 2019). После этого в городе Керрата на востоке Кабилии прозвучали призывы к «мирному маршу против пятого срока и против существующей системы» (*Ibid.*). Это стало отправной точкой для новых алжирских революционных протестов, оказавшихся крупнейшими в стране с 2001 г. (по некоторым данным, число протестующих в Алжире достигло 3 млн человек [см., например: Ouali 2019]).

24 февраля 2019 г. по всей стране начались протесты под лозунгами «Нет президента, есть плакат», «Этот народ не хочет Бутефлику», «Народ хочет падения режима» и «Мы не собираемся останавливаться» (Manifestations... 2019). Президент Бутефлика пытался провести точечные перестановки в своем избирательном штабе. Абдельмалек Селалл, возглавлявший избирательный штаб Бутефлики с 2004 г., был уволен, его сменил Абдельгани Заалане. Однако требования митингующих не возымели должного эффекта. Несмотря на прозвучавшие призывы перенести президентские выборы в Алжире на более поздний срок (Algerie... 2019), 3 марта 2019 г. Бутефлика все же подал документы о выдвижении своей кандидатуры в избирательную комиссию.

В знак протеста против действий Бутефлики кандидаты от оппозиции Али Бенфлис и Луиза Ханун сняли свои кандидатуры с президентских выборов (Présidentielle... 2019). Затем последовала серия отставок алжирских чиновников, не согласных с участием Бутефлики в президентских выборах (см., например: Zmirli 2019; Metaoui 2019). В результате демонстрации разгорелись с новой силой, вынудив Бутефлику снять свою кандидатуру и отложить выборы на неопределенный срок.

Однако на этом протесты в Алжире не прекратились. Протестующие продолжали настаивать на отставке Бутефлики и опасались, что незавершенный протест позволит президенту быть переизбранным на пятый срок, когда ситуация в стране нормализуется.

В середине марта 2019 г. протесты в Алжире приобрели феминистский оттенок. 16 марта алжирские активистки создали организацию *Femmes algériennes pour un changement vers l'égalité*, требующую равных прав для мужчин и женщин, что позволило мобилизовать женский протестный потенциал (Press... 2019). Здесь важно отметить, что аналогичные процессы наблюдались в то же время в Судане. В начале марта 2019 г. суданские женщины вышли на улицы Хартума, требуя равных прав и скандируя: «Вы, женщины, будьте сильными» или «Эта революция – женская революция» (Brown 2019). Примечательно, что символом декабрьской революции стала молодая суданка Алаа Салах, обращающаяся к протестующим с крыши автомобиля (Griffin 2019).

Но ключевую роль в отставке Бутефлики все-таки сыграла армия. Первым сигналом о том, что армия склонна поддержать протестующих, стало заявление начальника Генштаба Алжира Ахмеда Гайда Салаха. 10 марта 2019 г. он публично заявил, что «у армии

и народа есть общее видение будущего» (El-Tablawy, Slimani 2019). Спустя две недели он также обратился в Конституционный суд страны с требованием признать президента Бутефлику недееспособным и лишить его президентских полномочий, передав полномочия главе Совета нации (Nossiter 2019a). Попытки Бутефлики усмирить протестующих заявлениями о том, что он не будет баллотироваться в президенты после истечения срока его полномочий, и попытками сменить правительство оказались безрезультатными. В результате 2 апреля 2019 г. под давлением армии Бутефлика был вынужден досрочно уйти в отставку (Nossiter 2019b; Zoubir 2022).

Вместе с протестами в Алжире и Судане в марте 2019 г. волна социально-политической нестабильности затронула и сектор Газа. Здесь, как и в случае с Иорданией, Тунисом, Ираком и Суданом (по крайней мере, на начальном этапе протеста), имело место традиционное для региона недовольство проводимой властями социально-экономической политикой. 14 марта 2019 г. жители Газы вышли на улицы против повышения налогов и роста цен (Humaid 2019). Протест в Газе сразу стал ассоциироваться с главным лозунгом «Мы хотим жить» (Hass 2019). Хотя протест в Газе не увенчался успехом, его можно рассматривать как крупнейший протест против ХАМАС с тех пор, как эта организация пришла к власти, и как часть новой революционной волны на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Очередной всплеск протестной активности на Ближнем Востоке и в Северной Африке пришелся на осень 2019 г. Все началось с коррупционного скандала с участием президента Абделя Фаттаха ас-Сиси. В сентябре 2019 г. египетский бизнесмен Мухаммед Али сначала обнародовал информацию о причастности ас-Сиси к коррупции, а затем призвал египтян выйти на «марш миллионов» против действующей власти (Protesters... 2019).

В ответ на призывы Мухаммеда Али тысячи протестующих, в основном молодежь, вышли на улицы египетских городов с требованием отставки президента. Протестующие скандировали «Вставай, не бойся, Сиси должен уйти», а также лозунг «арабской весны» «Народ требует свержения режима» (In Rage... 2019). Довольно быстро протесты охватили крупнейшие города страны. Однако, несмотря на первоначальное ощущение, что демонстранты смогут повторить успех революции 2011 г. и заложить основы нового режима, властям удалось быстро подавить протест (см.: Mansour, Elhefnawy 2022).

Одной из составляющих успеха ас-Сиси стало жесткое подавление протеста. Полиции с самого начала было дано указание разгонять протестующих всеми возможными способами (см.: Heavy... 2019). Протесты закончились массовыми арестами как демонстрантов, так и политиков (по данным египетской комиссии по правам и свободам, за первые две недели протестов было арестовано около 3000 человек [В Египте... 2019]).

При этом такая жесткая реакция со стороны ас-Сиси стала возможной во многом благодаря благоприятной внешнеполитической конъюнктуре: он не испытывал такого давления со стороны международного сообщества, как Хосни Мубарак в 2011 г. Даже давление на египетских военных летом 2013 г. ощущалось намного сильнее, чем осенью 2019 г. Никакой резкой реакции со стороны Европейского союза, США, России или стран Персидского залива на насильственный разгон Каиром протестующих в египетских городах не последовало (см., например: Wingrove, Wainer 2019).

Протесты в Египте могли продолжиться в ноябре 2019 г., когда член парламента Ахмед Тантауи обратился к спикеру Палаты представителей Али Абдель Аалу с требованием, чтобы срок полномочий ас-Сиси истек в 2022 г., а не в 2024 г., как указано в недавней конституционной поправке. Однако эта инициатива не нашла поддержки даже в Палате представителей. Подавляющее большинство депутатов высказались против инициативы и даже обвинили Тантауи в подрыве египетской государственности (MP... 2019). Кроме того, негативное влияние на протестный потенциал в Египте оказало жесткое подавление протестов в сентябре – октябре 2019 г. Многие протестующие, обескураженные столь жесткой реакцией властей, в итоге либо были арестованы, либо полностью разочаровались в успехе протеста как такового (Mansour, Elhefnawy 2022).

Вместе с египетскими протестами осенью 2019 г. волна революционного недовольства прокатилась по Ливану и Ираку. Причем в обеих странах причины недовольства со стороны граждан существовали давно, но новая волна революций в регионе послужила спусковым крючком для актуализации протеста против традиционных ливанских и иракских проблем. Таким образом, как и во время «арабской весны», возник эффект домино, когда недовольство и особенно успехи оппозиции в одной стране провоцировали рост протестных настроений в другой (см., например: Korotayev, Issaev, Shishkina 2014; Korotayev, Issaev *et al.* 2022; Rozov 2022).

В случае с Ливаном протесты вновь направлены против конфессиональной системы организации власти / факциональной демократии⁷, что негативно сказалось на эффективности социально-экономической политики (Khatib 2022). Нынешняя политическая система в Ливане основана на компромиссе и шатком балансе сил между огромным количеством этноконфессиональных групп. Учитывая социальную структуру ливанского общества, еще до оформления государственности в стране сложилась консоциативная система, предполагавшая конфессиональный принцип разделения власти (см., например: Сапронова 2007; Исаев, Коротаев 2013).

Оставаясь нестабильной, ливанская политическая система неоднократно вызывала недовольство населения, приводила к гражданским конфликтам и затяжным политическим кризисам. Не стали исключением и события «арабской весны», актуализировавшие требование политических реформ в Ливане и необходимость преодоления социально-экономического кризиса в стране, вызванного дисфункцией власти (Исаев, Коротаев 2013).

В октябре 2019 г. недовольство ливанцев вызывали как факторы, неотъемлемо присущие новой революционной волне (рост цен на топливо и продукты первой необходимости, а также безработица, особенно среди молодежи – см., например: Hamadi 2019), так и чисто локальные факторы, такие как нерешенная проблема перебоев в подаче электроэнергии (Bianchi, Colombo 2019), экологический кризис и крупные лесные пожары (Saouli 2019).

Активная фаза протеста началась 17 октября 2019 г., когда протестующие, недовольные налоговой политикой, вышли на площадь Мучеников в Бейруте (Мардасов и др. 2019; Khatib 2022). Примечательно, что последней каплей терпения ливанцев оказался «налог на WhatsApp» (Lebanon... 2019). Однако уступка властей, вынужденных отказаться от идеи облагать налогом WhatsApp, не удовлетворила демонстрантов. Акции протеста приняли массовый и повсеместный характер, со временем актуализировав все те нерешенные вопросы, которые ранее вызывали недовольство населения.

---

⁷ О понятии «факциональная демократия / частичная демократия с факциональностью» и об особой уязвимости этого типа политических режимов к социально-политической дестабилизации см., например: Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; Коротаев, Слинко, Билюга 2016; Коротаев, Слинко, Шульгин, Билюга 2016; Коротаев, Васькин, Романов 2019; Хохлов, Коротаев 2020; Коротаев, Гринин и др. 2022; Goldstone *et al.* 2010; Slinko *et al.* 2017; Korotayev, Vaskin, Romanov 2021; Khokhlov, Korotayev 2022.

В свою очередь, отсутствие достаточных политических и экономических рычагов влияния в руках ливанского правительства фактически ограничивало его возможности эффективно реагировать на требования протестующих. В результате протесты в Ливане приобрели перманентный характер и уже были направлены на демонтаж всей системы власти (Мардасов и др. 2019). Неслучайно одним из главных лозунгов ливанского протеста стал *Killun ya`ni killun* – «Их всех – значит, их всех!» (Khatib 2022).

Аналогичные причины революционных гражданских беспорядков наблюдались осенью 2019 г. в Ираке, где также выразилось недовольство конфессиональной системой власти. Спусковым крючком для выхода людей на улицы послужили социально-экономические причины, связанные с хронической безработицей и ухудшением жилищных условий. Как и в случае с Ливаном, правительство Адила Абдул-Махди, сформированное в 2018 г., подверглось критике со стороны протестующих за неэффективную социально-экономическую политику. Однако стихийные демонстрации, начавшиеся 1 октября 2019 г. в Багдаде и южных провинциях Ирака, быстро распространились по стране и приобрели политическую окраску (Исаев, Мардасов и др. 2019а, 2019б).

Хотя кабинет Махди можно охарактеризовать как одно из наиболее социально-экономически успешных правительств со времен свержения Саддама Хусейна (Там же; Mardasov 2022), конфессиональный характер иракской политической системы сыграл здесь важную роль. В первую очередь это было связано с внешним фактором и попыткой внутренних иракских сил использовать его для политической реконфигурации в Ираке.

Как и в случае с Ливаном, политическая система Ирака находится под сильным влиянием внешних акторов (Young 2019). Это проявилось и во время событий 2019 г. Серьезным триггером протестной активности стало увольнение не зависимо от иранского влияния заместителя командующего иракским контртеррористическим бюро Абдель-Вахаба ас-Саеди (Habib 2019). Расценив этот шаг как акт давления со стороны Ирана на иракские власти, 24 октября 2019 г. на Площади освобождения в Багдаде собрались тысячи людей в знак протеста против внешнего влияния на политику страны (Two-day... 2019).

Однако иракский протест быстро принял стихийный характер. Поиски выхода из сложившейся ситуации еще больше осложнились разобщенностью иракского политического истеблишмента.

Например, проиранская военно-политическая группировка «Силы народной мобилизации» («Ал-Хашд аш-Шааби») выступила против ухода кабинета Махди, который был удобен ей. В свою очередь, курды в лице Демократической партии Курдистана, а также суннитское движение Хамиса ал-Ханджара были заинтересованы в ослаблении центральной власти в Багдаде. Кроме того, были и те, кто хотел воспользоваться сложившейся ситуацией и возглавить протест (например, Муктада ас-Садр).

Такая сложная политическая реконфигурация сделала правительство Махди заложником ситуации. Ситуация постепенно стала выходить из-под контроля властей и к ноябрю 2019 г. переросла в столкновения между сторонниками и противниками власти. Апогеем стало 29 ноября 2019 г., когда в ходе беспорядков за один день погибло 44 человека (Iraqi... 2019), что привело к отставке Адиля Абдул-Махди.

Как и в случае с Ливаном, где отставка кабинета Саада Харири в 2020 г. не привела к прекращению протеста, уход Махди не повлек за собой снижение протестной активности в Ираке (Mardasov 2022). В обоих случаях проблемы, к которым апеллировали протестующие, носили глубокий характер и требовали демонтажа всей политической системы.

Неслучайно за революцией 17 октября в Ливане и за октябрьской революцией в Ираке последовал ярко выраженный революционный эпизод в Иране, вошедший в историю как «Кровавый ноябрь». Как отмечалось выше, протесты в обеих арабских странах, помимо прочего, были направлены на снижение иранского влияния на внутривнутриполитические процессы. В связи с этим совершенно естественно, что активное участие Ирана в событиях в Ливане и Ираке в итоге стало одним из факторов распространения протестной активности в самом Иране (Mardasov 2022). В качестве примера здесь можно привести один из лозунгов иранских протестов: «Не Газа, не Ливан, моя жизнь только за Иран» (см., например: Iran... 2019).

Протесты в Иране также были спровоцированы ростом цен на топливо до 200 % (Fassihi, Gladstone 2019). Это, в свою очередь, было следствием санкционной политики Запада в отношении Ирана в сочетании с бесхозяйственностью (Kozhanov 2022). Гражданские беспорядки начались 15 ноября 2019 г. и быстро распространились практически по всей территории Ирана, во многом благодаря социальным сетям. На следующий день после того, как власти ограничили доступ в Интернет, студенты вышли на улицы иран-

ских городов, а акции протеста стали приобретать ярко выраженный антиправительственный характер. При этом возмущение протестующих было направлено не только на президента Рухани («Рухани, оставь страну в покое»), но и на Верховного лидера (один из лозунгов гласил: «Смерть диктатору!») (см., например: Iran... 2019).

В ответ на беспорядки иранские власти взяли курс на силовое подавление протеста. В результате к 21 ноября 2019 г. большая часть протестующих была разогнана. При этом подавление протестов в Иране стало одним из самых кровавых в истории Исламской Республики. По данным *New York Times*, только в острую фазу протеста (15–21 ноября 2019 г.) было убито до 450 человек (Fassihi 2019).

На протяжении веков страны Сахеля были тесно связаны с Северной Африкой. На этом фоне неудивительно, что драматическая волна дестабилизации в странах Северной Африки и Ближнего Востока в 2011 г. («арабская весна 1.0») оказала большое влияние на политические тенденции в большинстве регионов мира, включая государства Сахеля, причем в ряде случаев этот эффект наблюдался со значительным лагом⁸. С одной стороны, отголоски «арабской весны» сразу почувствовались в 2011 г. в странах Сахеля (где, как и во многих других частях мира, она вызвала массовые революционные протесты, особенно ярко выраженные в Буркина-Фасо [см., например: Коротаев, Бобарыкина, Хохлова 2021; Исаев и др. 2022a, 2022b; Chouli 2012; Phelan 2016; Harsch 2017; Korotayev, Meshcherina, Shishkina 2018]).

Но у «арабской весны» было и второе эхо, заметно более кровавое, чем первое. Одним из ее последствий стал крах или резкое ослабление нескольких достаточно эффективных авторитарных режимов. В Ливии, Сирии, Йемене (и отчасти в Египте) начались затяжные внутренние конфликты. Между тем еще до «арабской весны» было показано, что столь резкое ослабление государствен-

---

⁸ См.: Коротаев, Исаев, Шишкина 2016; Коротаев, Шишкина, Исаев 2016; Коротаев, Мещерина и др. 2016, 2017, 2018; Коротаев, Шишкина, Лухманова 2017; Коротаев, Гринин и др. 2017: 237–262, 2021: 88–167; Коротаев, Медведев и др. 2018, 2020; Коротаев, Романов, Медведев 2019; Коротаев, Соковина, Шадрова 2020; Хохлов и др. 2021; Akaev *et al.* 2017; Ortmans *et al.* 2017; Korotayev, Meshcherina, Shishkina 2018; Korotayev, Medvedev, Zinkina 2020; Korotayev, Shishkina, Khokhlova 2022.

ной организации (государственные «брейкдауны» [*state breakdown / state failure*]) и связанные с этим затяжные внутренние конфликты создают прекрасные условия для активизации террористической деятельности (Testas 2004; Piazza 2007, 2008a, 2008b; Campos, Gassebner 2009, 2013; Gassebner, Luechinger 2011). Арабская весна – не исключение.

Уже в 2011 г. лидеры исламистских террористических организаций осознали, что революционные события «арабской весны» открыли возможности для усиления террористической активности на Ближнем Востоке (Schumacher, Shraeder 2021). Ослабление и трансформация политических режимов в Ливии, Йемене и Сирии оказали сильнейшее влияние на расширение террористической деятельности. В Ливии на смену относительно сильному авторитарному режиму пришел неустойчивый факционально-демократический режим, что в конечном итоге привело к началу второй волны ливийской гражданской войны (см., например: Коротаев, Исаев, Шишкина 2021; Barmin 2022; Grinin *et al.* 2019: 195–202). Падение режима в Йемене привело к ликвидации одной из главных сдерживающих сил терроризма на арабском Юге (см., например: Исаев 2016; Исаев, Коротаев 2015; Исаев, Коротаев, Мардасов 2019; Grinin *et al.* 2019: 190–195; Issaev, Khokhlova, Korotayev 2022). Резкое ослабление режима Асада в Сирии привело к отсутствию эффективной государственной власти на неподконтрольных режиму территориях (см., например: Гринин и др. 2015; Исаев, Коротаев, Мардасов 2019; Исаев, Коротаев и др. 2021; Akhmedov 2022; Grinin *et al.* 2019: 202–204). На границе Сирии и Ирака (главного глобального очага терроризма накануне «арабской весны») были созданы идеальные условия для возникновения «Исламского государства»⁹. В результате в арабских странах сложилась благоприятная ситуация для роста и глобального распространения террористической активности. Это привело к значительному повышению дееспособности террористических организаций разного толка, быстрому росту их силы, влияния и эффективности организационных форм, что реализовалось после 2011 г. во взрывоопасном глобальном росте террористической деятельности, в том числе исламистского революционного терроризма (см., например: Исаев, Айсин, Медведев, Коротаев 2020; Исаев, Айсин, Шишкина, Коротаев 2020; Исаев и др. 2022a; Коротаев, Зинькина и др. 2021; Коротаев, Лиокумович,

---

⁹ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ.

Хохлова 2021; Коротаев, Устюжанин 2021; Kalyvas 2015; Wege 2015; Abboud 2016; Fraihat 2016; Simons 2016; Weiss, Hassan 2016; Baczko *et al.* 2017; Bandeira, Alberto 2017; Hill 2017; Blumi 2018; Grinin *et al.* 2019; Lia 2016; Schumacher, Schraeder 2021; Issaev *et al.* 2021). Этот процесс занял определенное время, поэтому данный аспект влияния «арабской весны» на Мир-Систему проявился с заметным лагом.

Применительно к странам Сахеля особую роль сыграло стремительное падение режима в Ливии с такими его последствиями, как незаконное проникновение оружия и боеприпасов оттуда в страны Сахеля. Участие туарегов в вооруженных силах Муаммара Каддафи также имело значение, поскольку возвращение туарегских бойцов усилило вооруженные формирования туарегских националистов; распространение радикального исламизма из Северной Африки в Сахель также сыграло здесь очень важную роль (Фитуни, Абрамова 2014; Лебедева 2015; Бабкин 2018, 2021; Фитуни 2018; Жерлицына 2020; Гринин 2020а, 2020б; Денисова, Костелянец 2021; Cline 2013; Keenan 2013; Shaw 2013; Solomon 2013; Moseley 2017).

В начале 2012 г. это привело к четвертому туарегскому восстанию на севере Мали, провозглашению независимого государства Азавад с последующей исламистской революцией внутри этого государства летом 2012 г., продвижению радикалов-исламистов на юг страны, интервенции Франции, то есть целой цепи событий, превративших Мали в крайне нестабильное государство (см., например: Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021; Luengo-Cabrera 2012; Lecocq, Klute 2013; Thurston, Lebovich 2013; Korotayev, Khokhlova 2022а).

Летом 2020 г. растущая нестабильность в этой стране привела к массовым революционным протестам, сопровождавшимся «эндшпильным переворотом» в августе 2020 г. и еще одним переворотом в мае 2021 г. – то есть к так называемой малийской куволуции, подробно рассмотренной в работах (Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021; Korotayev, Khokhlova 2022а). Еще одна куволуция в регионе последовала в июле 2021 г. в Тунисе (так называемая «революция 25 июля» [Kashina 2022]). Мы обсудим обе эти куволуции более подробно в следующем разделе.

Определения

Мы используем следующий набор определений революции:

Революция – «это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе,

сопровождая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» (Goldstone 2001: 142).

«Революция – это коллективная мобилизация, направленная на быстрое и насильственное свержение существующего режима с целью преобразования политических, экономических и символических отношений» (Lawson 2019: 5).

Революция – это «массовая осада существующего правительства собственным населением с целью смещения действующего режима и существенного изменения политического или социального порядка» (Beissinger 2022: 3);

«Революция – антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: 1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; 2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти; 3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов» (Гринин, Коротаев 2021: 855; Goldstone *et al.* 2022: 1).

Обратим внимание: ни одно из этих определений не подразумевает, что революция обязательно должна быть вооруженной или насильственной. Они также не подразумевают, что революции обязательно должны быть успешными. В самом деле, в истории человечества вряд ли можно найти полностью успешные революции. Почти всегда значительная часть их участников рано или поздно оказывалась недовольна результатами, отказываясь, таким образом, назвать свои революции действительно успешными. Разумеется, это в полной мере относится ко всем рассмотренным в данной работе революциям, что, естественно, никоим образом не лишает их права называться революциями или, по крайней мере, революционными эпизодами (о понятии «революционный эпизод» см.: Beissinger 2022).

Отметим, что большинство революционных событий, описанных в настоящей работе, вполне соответствуют всем приведенным выше определениям революции/революционных эпизодов. Действительно, декабрьскую революцию в Судане, алжирскую «революцию улыбок», революцию 17 октября в Ливане, иракскую октябрьскую революцию, «Кровавый ноябрь» 2019 г. в Иране, малийскую революцию 2020–2021 гг. вполне можно понимать как «попытки преобразовать политические институты и дать новое обоснование по-

литической власти в обществе, сопровождаемые формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть».

Между тем недавние революционные события в Ираке и Ливане (вместе с такими важными революционными событиями недавней глобальной революционной волны, как *Estallido Social* в Чили или движение «желтых жилетов»¹⁰ во Франции) также можно интерпретировать как «революционные движения без революции» (Гринин, Коротаев 2021; Goldstone *et al.* 2022).

С другой стороны, недавние революции в Судане и Мали можно охарактеризовать как куволюции. Впервые, как известно, понятие «куволюция» (сочетание переворота и революции) было использовано для описания событий 2011 г. в Египте (Toronto 2011; Springborg 2015, 2016), а также египетских событий 2013 г. (см., например: Moll 2014; ср.: Исаев, Коротаев 2014). Этот термин также использовался для описания событий в Боливии в 2019 г. (Cassell 2021). Марк Р. Бейссинджер предложил использовать этот термин для описания событий 2018–2019 гг. в Судане (Beissinger 2019)¹¹. Представляется возможным использовать понятие «куволюция» как общий термин для описания достаточно специфического типа революционных процессов, когда революционная массовая мобилизация первой фазы приводит к перевороту, который можно рассматривать как вторую фазу революционного/куволюционного процесса; в то же время в ходе этой второй фазы реализуются многие требования участников первой фазы куволюционных событий (см.: Коротаев, Бобарыкина, Хохлова 2021; Коротаев, Зинькина и др. 2021; Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021; Korotayev, Khokhlova 2022a). Заметим также, что «революцию 25 июля» в Тунисе¹² тоже можно охарактеризовать как куволюцию – собственно, главное отличие куволюций в Судане и Мали, с одной стороны, от куволюции в Тунисе – с другой, заключается в том, что в первых случаях

---

¹⁰ Отметим, кстати, использование желтых жилетов участниками революционных протестов в Ливии в июле 2022 г. (см., например: Elumami, al-Warfali 2022), имевших много общего с недавними революционными событиями в Алжире, Ливане и Ираке.

¹¹ В своей монографии *The Revolutionary City. Urbanization and the Global Transformation of Rebellion* (Beissinger 2022), корректурой которой профессор Марк Р. Бейссинджер любезно поделился с нами уже после того, как эта статья была закончена, он предлагает общее определение куволюции, довольно близкое к нашему, но не тождественное с ним.

¹² См.: Kashina 2022.

мы имеем дело с военными переворотами, тогда как во втором случае «эндшпильный переворот» был конституционным, а не военным. С другой стороны, куволуция в Тунисе была ближе к куволуции в Мали, поскольку (в отличие от Судана) в Тунисе и Мали протестующие революционеры (на этапах массовой мобилизации соответствующих куволуций) требовали установления сильной, эффективной, некоррупцированной политической власти, а не перехода от диктатуры к демократии.

И, наконец, недавние протесты в Египте, Иордании и Марокко вполне можно отнести к разряду квазиреволюционных эпизодов (ср.: Beissinger 2022).

Новая волна революций в регионе Ближнего Востока и Северной Африки в глобальной перспективе: факторы и особенности

Глобальные революционные волны обычно связаны с определенными миросистемными событиями и процессами (см., например: Goldstone *et al.* 2022; Rozov 2022). Как мы отмечали выше, новую волну революций в БВСА можно рассматривать как часть третьей глобальной революционной волны XXI в. В случае глобальной революционной волны конца 2010-х гг. таким миросистемным процессом стала понижательная фаза (или фаза В) пятой кондратьевской волны¹³. Начало этой фазы обычно приурочивают к мировому финансово-экономическому кризису 2008–2009 гг. (см., например: Гринин, Коротаев 2012; Коротаев, Цирель 2010а, 2010б; Akaev *et al.* 2011, 2012, 2017; Korotayev, Grinin 2012; Korotayev, Bilyuga, Shishkina 2020). Однако именно к концу 2010-х гг. нисходящая динамика этой фазы стала проявляться особенно ярко в виде замедления экономического роста, роста безработицы и инфляции¹⁴.

---

¹³ О кондратьевских волнах в мировой динамике см., например: Кондратьев 1922, 1925, 1928, 1989, 2002; Коротаев, Гринин 2012; Коротаев, Билуца 2016; Kondratieff 1926, 1935, 1984; Schumpeter 1939; Mensch 1979; Freeman 1987; Mandel 1980; Goldstein 1988; Berry 1991; Modelski 2001; Hirooka 2006; de Groot, Frances 2008, 2012; Korotayev, Zinkina, Bogevolnov 2011; Linstone, Devezas 2012; Grinin *et al.* 2016, 2017; Norkus 2016; Thompson 2016; Akaev *et al.* 2017; Nefiodow 2017; Gallegati *et al.* 2017; Modis 2017; Coccia 2018; Korotayev, Bilyuga, Shishkina 2020.

¹⁴ Кроме того, в 2020–2021 гг. в качестве важного глобального триггера революционных и квазиреволюционных протестов выступила пандемия COVID-19, что проявилось и в таких странах афразийской макрзоны нестабильности, как Тунис, Мали или Кыргызстан (Голдстоун и др. 2022; Коротаев, Лиокумович и др.

Нетрудно заметить, что в регионе БВСА такие экономические факторы (рост цен на топливо и продукты питания, безработица и т. д.) выступили триггерами протестов во всех странах новой революционной волны. В то же время, начавшись как реакция на непопулярные экономические решения правительств, протесты новой революционной волны быстро переросли в политические движения.

При этом требования, выдвигаемые протестующими, как правило, не были новыми и уже давно отражали недовольство властями. Так, в Ливане и Ираке новая волна протестов актуализировала требование общества преодолеть конфессиональную политическую систему, а в Иране главным требованием стала ликвидация исламской республики. В Судане и Алжире протестующие потребовали отставки глав государств, десятилетиями удерживавших власть в своих руках. В Марокко вновь встал вопрос о переходе к настоящей конституционной монархии.

Вторая революционная волна на Ближнем Востоке и в Северной Африке, как и «арабская весна», характеризовалась так называемым «эффектом домино» с двумя основными фазами. Первая наблюдалась в конце 2018 и начале 2019 г. и захватила прежде всего Судан, Алжир и сектор Газа. Вторая фаза началась осенью 2019 г., когда массовые революционные протесты охватили Египет, Ливан, Ирак и Иран.

В то же время важной чертой новой революционной волны была ее направленность против всего политического истеблишмента. Если главным лозунгом «арабской весны» был «Народ хочет падения режима», то протесты конца 2010-х гг. уже проходили под лозунгом «Все должны уйти» (*Yetnahaw Gaa*), который впервые прозвучал во время протестов в Алжире, и его вариациями. Подобные лозунги использовали протестующие в Ливане и Ираке. Иными словами, ярко выраженная максималистская направленность политического протеста в странах Ближнего Востока и Северной Африки существенно отличала вторую революционную волну от первой, носившей весьма персонифицированный и антидиктаторский характер. В конце 2010-х гг. протестующие в основном столкнулись с качественно иной ситуацией, когда нужно было добиваться перемен в отсутствие явного авторитарного лидера – мишени революции.

В свою очередь, вторая революционная волна актуализировала такое явление, как куволуция, – термин, который впервые был использован для описания событий в Египте в 2011 г. Он означает революционное событие, при котором на первом этапе происходят массовые протесты против действующей власти и мобилизуется революционное движение, а на втором этапе на первый план выходят военные и берут ситуацию в свои руки, устраивая фактический переворот, но выполняя многие требования массовой мобилизации первого этапа. Подобная логика развития революционного процесса проявилась в рамках новой революционной волны в странах, где было достигнуто свержение правителя, – Судане, Алжире, Мали; куволуция иного типа произошла в июле 2021 г. в Тунисе.

Литература

Бабкин, С. Э.

2018. Политическая конфликтология о реорганизации джихадистских группировок в Сахеле. *Вестник Института востоковедения РАН* 2: 118–127.

2021. О джихадистских группировках в зоне Сахеля и раскладе сил между ними. *Вестник Института востоковедения РАН* 1: 218–224.

Беленькая, М., Наумова, Е. 2019. У президента Судана истекает тридцатилетний срок. *Коммерсант* 10 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3938884>.

В Египте арестовано более трех тысяч участников антиправительственных протестов. 2019. *Организация объединенных наций*. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/10/1365881>.

Голдстоун, Дж. А., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2022. Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования* 4: 108–119.

Гринин, Л. Е.

2020а. Исламизм, радикализм, постисламизм в их отношении к светским режимам и государственной идеологии. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 829–853.

2020б. Радикальный исламизм, религиозный фактор и дестабилизация в странах африканской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 810–828.

Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Коротаев, А. В. 2015. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». 384 с.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* М.: ЛКИ/ URSS. 480 с.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2021. Методологические пояснения к исследованию революционных событий. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник.* Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст.* Волгоград: Учитель. С. 853–861.

Денисова, Т. С., Костелянец, С. В. 2021. Раскол в «Боко Харам» и его последствия для региона бассейна озера Чад. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право* 14(2): 214–230.

Жерлицына, Н. 2020. Перспективы распространения ИГИЛ после разгрома Халифата. *Азия и Африка сегодня* 7: 264–273.

Исаев, Л. М. 2016. Бесконечная война, или снова о Йемене. *Неприкосновенный запас* 6: 238–248.

Исаев, Л. М., Айсин, М. Б., Медведев, И. А., Коротаев, А. В. 2020. Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология* 22(4): 713–730.

Исаев, Л. М., Айсин, М. Б., Шишкина, А. Р., Коротаев, А. В. 2020. Влияние ближневосточного терроризма на безопасность в России. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков.* Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 772–809.

Исаев, Л. М., Коротаев, А. В.

2013. Ливан: рай на вулкане. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 4(1): 187–213.

2014. Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа. *Азия и Африка сегодня* 2: 14–20.

2015. Йемен: неизвестная революция и международный конфликт. *Мировая экономика и международные отношения* 8: 71–81.

Исаев, Л. М., Коротаев, А. В., Бобарькина, Д. А.

2022а. Глобальная террористическая угроза в Сахеле и истоки терроризма в Буркина-Фасо. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения* 22(2): 411–421.

2022б. Влияние «арабской весны» на «черную весну» в Буркина-Фасо. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение* 1: 98–109.

Исаев, Л. М., Коротаев, А. В., Мардасов, А. Г. 2019. Динамика дестабилизации в Йеменской Республике. Несколько наблюдений. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 10. Волгоград: Учитель. С. 502–517.

Исаев, Л. М., Коротаев, А. В., Мардасов, А. Г., Семенов, К. В. 2021. *Метаморфозы сирийской оппозиции*. М.: Ленанд/URSS. 301 с.

Исаев, Л. М., Мардасов, А. Г., Коротаев, А. В.

2019а. Протесты 2019 г. в Ираке. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 10. Волгоград: Учитель. С. 461–469.

2019б. Протесты 2019 г. в Ираке в контексте новой волны ближневосточной дестабилизации. В: Следзевский, И. В., Коротаев, А. В. (ред.), *Перспективы стабилизации/дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке*. М.: Ин-т Африки РАН. С. 42–51.

Кондратьев, Н. Д.

1922. *Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны*. Вологда: Обл. отд. Гос. изд-ва. 258 с.

1925. Большие циклы конъюнктуры. *Вопросы конъюнктуры* 1(1): 28–79.

1928. *Большие циклы конъюнктуры*. М.: Ин-т экономики РАНИОН. 287 с.

1989. *Проблемы экономической динамики*. М.: Экономика. 523 с.

2002. *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения*. М.: Экономика. 767 с.

Коротаев, А. В., Билюга, С. Э. 2016. О некоторых современных тенденциях мирового экономического развития. *Вестник Института экономики Российской академии наук* 4: 20–39.

Коротаев, А. В., Билюга, С. Э., Шишкина, А. Р. 2016. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика* 7(4): 72–94.

Коротаев, А. В., Бобарыкина, Д. А., Хохлова, А. А. 2021. Революционные события в Верхней Вольте / Буркина-Фасо (1960–2021 гг.). В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 371–415.

Коротаев, А., Васькин, И., Романов, Д. 2019. Демократия и терроризм: новый взгляд на старую проблему. *Социологическое обозрение* 18(3): 9–48.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е. 2012. Кондратьевские волны в мир-системной перспективе. В: Акаев, А. А., Гринберг, Р. С., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *Кондратьевские волны: аспекты и перспективы*. Волгоград: Учитель. С. 58–109.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Билюга, С. Э., Васькин, И. А., Слинко, Е. В., Шишкина, А. Р., Мещерина, К. В. 2017. *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Учитель. 344 с.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю., Исаев, Л. М., Билюга, С. Э., Шишкина, А. Р., Иванов, Е. А., Мещерина, К. В., Васькин, И. А., Медведев, И. А., Романов, Д. М. 2021. *Катализаторы политических переворотов: от акций протеста к смене власти. Анализ и моделирование процессов дестабилизации на примере модернизирующихся социально-политических систем*. М.: Ленанд/URSS.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Медведев, И. А., Слав, М. 2022. Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке. *Социологическое обозрение* 21(4): 9–65.

Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В., Хохлова, А. А., Лиокумович, Я. Б. 2021. Революционные и квазиреволюционные процессы в Нигере. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в африканской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 416–450.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Васильев, А. М. 2015. Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8(376): 119–127.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Мардасов, А. Г. 2019. Протесты 2019 г. в Египте. Предварительный анализ. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 10. Волгоград: Учитель. С. 518–534.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Шишкина, А. Р.

2016. Арабская весна как квазисуперкритическое явление? В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 7. *Арабская весна в глобальном контексте*. Волгоград: Учитель. С. 127–156.

2021. Вторая волна ливийской гражданской войны: факторы и акторы. *Мировая экономика и международные отношения* 65(3): 101–109.

Коротаев, А. В., Лиокумович, Я. Б., Хохлова, А. А. 2021. Революционные события в Мали (1960–2021 гг.). В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных*

и региональных рисков: ежегодник. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 329–370.

Коротаев, А. В., Медведев, И. А., Слинко, Е. В., Шульгин, С. Г. 2020. Эффективность систем глобального мониторинга рисков социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа. *Социологическое обозрение* 19(2): 143–197.

Коротаев, А. В., Медведев, И. А., Шульгин, С. Г., Слинко, Е. В., Билюга, С. Э., Малков, С. Ю., Халтурина, Д. А., Дербилова, Е. В., Зинькина, Ю. В., Романов, Д. М. 2018. Системы глобального мониторинга рисков социально-политической дестабилизации: опыт систематического обзора. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 9. *Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте*. Волгоград: Учитель. С. 5–94.

Коротаев, А. В., Мещерина, К. В., Хохлова, А. А., Евдокимова, К. С. 2018. Волна социально-политической дестабилизации 2010-х гг. в странах Тропической и Южной Африки: предварительные результаты количественного анализа. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 9. *Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте*. Волгоград: Учитель. С. 296–319.

Коротаев, А. В., Мещерина, К. В., Исаев, Л. М., Искоков, А. С., Куликова, Е. Д., Дельянов, В. Г., Херн, У. Д. 2016. Арабская весна как триггер глобальной социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 7. *Арабская весна в глобальном контексте*. Волгоград: Учитель. С. 22–126.

Коротаев, А. В., Мещерина, К. В., Куликова, Е. Д., Дельянов, В. Г. 2017. Арабская весна и ее глобальное эхо: количественный анализ. *Сравнительная политика* 8(4): 113–126.

Коротаев, А., Романов, Д., Медведев, И. 2019. Эхо «арабской весны» в Восточной Европе: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 18(1): 31–81.

Коротаев, А. В., Слинко, Е. В., Билюга, С. Э. 2016. Тип режима и социально-политическая нестабильность. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 7. Волгоград: Учитель. С. 282–325.

Коротаев, А. В., Слинко, Е. В., Шульгин, С. Г., Билюга, С. Э. 2016. Промежуточные типы политических режимов и социально-политическая нестабильность. Опыт количественного кросс-национального анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 3: 31–52.

Коротаев, А. В., Соковнина, Е. М., Шадрова, А. О. 2020. Эхо Арабской весны в странах Азии: опыт количественного анализа. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 629–665.

Коротаев, А. В., Устюжанин, В. В. 2021. О структурно-демографических факторах вооруженных исламистских революционных выступлений в странах группы G5 Сахель. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в африканской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 451–474.

Коротаев, А. В., Цирель, С. В.

2010а. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике. В: Халтурина, Д. А., Коротаев, А. В. (ред.), *Системный мониторинг глобального и регионального развития*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 189–229.

2010б. Кондратьевские волны в мир-системной экономической динамике. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г. (ред.), *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики*. М.: ЛКИ/URSS. С. 5–69.

Коротаев, А. В., Шишкина, А. Р., Исаев, Л. М. 2016. Арабская весна как триггер глобального фазового перехода? *Полис. Политические исследования* 3: 108–122.

Коротаев, А. В., Шишкина, А. Р., Лухманова, З. Т. 2017. Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011–2015 гг.: количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 6: 150–168.

Лиюкумович, Я. Б., Коротаев, А. В. 2022. Революционные и квази-революционные события в Южной Африке: Лесото – ЮАР – Ботсвана. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. Волгоград: Учитель. С. 76–96.

Лебедева, Э. Е. 2015. «Боко Харам» и региональная нестабильность. *Запад – Восток – Россия* 2014: 167–173.

Мардасов, А. Г., Исаев, Л. М., Коротаев, А. В. 2019. «Арабская осень» в Ливане. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 10. Волгоград: Учитель. С. 470–481.

Сапронова, М. А. 2007. *Высшие органы государственной власти арабских республик*. М.: АСТ. 480 с.

Фитуни, Л. Л. 2018. Подразделения и союзники ИГИЛ в Африке: среднесрочный прогноз дальнейшей активности. *Азия и Африка сегодня* 12: 11–17.

Фитуни, Л. Л., Абрамова, И. О. 2014. Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке». *Азия и Африка сегодня* 12: 8–15.

Хохлов, Н., Васильев, А., Беличенко, А., Кирдянкина, П., Коротаев, А. 2021. Эхо Арабской весны в Западной Европе: опыт количественного анализа. *Международные процессы* 19(2): 21–49.

Хохлов, Н. В., Коротаев, А. В. 2020. Интернет и террористическая активность в странах с разными политическими режимами. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 2: 67–86.

Хохлова, А. А., Коротаев, А. В. 2020. Исламские монархии, молодежный бугор и социально-политическая дестабилизация. Кросс-национальный анализ. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 237–262.

17 October Revolution

2019a. Ughniyat al-ultras al-ahli fi shawari` Lubnan. *YouTube* 13.11.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=TX7OXima_SY.

2019b. Ughniyat al-ultras al-ahli fi shawari` Lubnan ila-l-sha`b al-misri. *YouTube* November 26. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X3cG6GrJR-w>.

2019c. Ughniyat ultras ahlawi hikayitna min shawari` Bayrut. *YouTube* November 13. URL: https://www.youtube.com/watch?v=TX7OXima_SY.

2020a. Thawrah fi kull-l-buldan. *YouTube* January 5. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I3g5gdKRB8I>.

2020b. Thawrah fi kull-l-buldan – min Lubnan ila-l-Yaman. *YouTube* January 21. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I3g5gdKRB8I>.

2020c. Ughniyat al-ultras al-ahli fi shawari` wa-sahat Lubnan. *YouTube* January 14. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cUbvFzMavLE>.

2020d. Wa-lamma-l-thawrah amat nizilna fi kull-l-bilad, mutna `ala-l-hurriyyah wi-squt rmuzi-l-fasad – ultras ahlawi. *YouTube* February 3. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kRLwRPILeH0&t=109s>.

Aboud, S. N. 2016. *Syria*. Malden: Polity Press.

Abouzzohour, Y. 2021. Oman, Ten Years after the Arab Spring: The Evolution of State-Society Relations. *Arab Reform Initiative* February 9. URL:

<https://www.arab-reform.net/publication/oman-ten-years-after-the-arab-spring-the-evolution-of-state-society-relations/>.

Akaev, A., Korotayev, A., Issaev, L., Zinkina, Y. 2017. Technological Development and Protest Waves: Arab Spring as a Trigger of the Global Phase Transition? *Technological Forecasting and Social Change* 116: 316–321.

Akaev, A., Sadovnichy, V., Korotayev, A.

2011. Huge Rise in Gold and Oil Prices as a Precursor of a Global Financial and Economic Crisis. *Doklady Mathematics* 83(2): 243–246.

2012. On the Dynamics of the World Demographic Transition and Financial-economic Crises Forecasts. *The European Physical Journal Special Topics* 205: 355–373.

Akhmedov, V. 2022. The Syrian Revolution. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 707–723.

Akour, O. 2018. New Jordan PM Says He will Cancel Tax Bill. *US News* June 7. URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2018-06-07/new-jordan-pm-says-working-on-changes-to-tax-plan>.

Alamin, M. 2019. Protesters Face Whippings and Tear Gas in Sudanese Crackdown. *Bloomberg* February 27. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-02-27/protesters-face-whippings-and-tear-gas-in-sudanese-crackdown#xj4y7vzkg>.

Algerie: l'option report presidentielle bien ete evoquee. 2019. *RFI Afrique* January 17. URL: <https://www.rfi.fr/afrique/20190117-algerie-option-report-presidentielle-bien-ete-evoquee>.

Amin, M. 2019. Protesters Defiant in Sudan amid Fears Crackdown could Lead to Military Rule. *Middle East Eye* February 26. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/protesters-defiant-sudan-amid-fears-crackdown-could-lead-military-rule>.

Baczko, A., Dorronsoro, G., Quesnay, A. 2017. *Civil War in Syria: Mobilization and Competing Social Orders*. Cambridge: Cambridge University Press. 321 pp.

Bandeira, M., Alberto, L. 2017. *The Second Cold War*. New York: Springer International Publishing. 465 pp.

Barmin, Y. 2022. Revolution in Libya. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 725–738.

Beissinger, M. R.

2019. Personal Communication of 26 October.

2022. *The Revolutionary City. Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 592 pp.

Berry, B. J. L. 1991. *Long Wave Rhythms in Economic Development and Political Behavior*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Bianchi, A., Colombo, S. 2019. As Energy Problems Fuel Protests, Lebanon Eyes Gas Revolution. *Al Jazeera* October 28. URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2019/10/28/as-energy-problems-fuel-protests-lebanon-eyes-gas-revolution/>.

Blaise, L. 2018. “You Can’t Survive Anymore”: Tunisia Protests Rising Prices and Taxes. *The New York Times* January 9. URL: <https://www.nytimes.com/2018/01/09/world/africa/tunisia-protests.html>.

Blumi, I. 2018. *Destroying Yemen: What Chaos in Arabia Tells Us about the World*. Oakland, CA: University of California Press.

Brown, R. 2019. “A Women’s Revolution”: Why Women are Leading Calls for Change in Sudan. *The Christian Science Monitor* April 12. URL: <https://www.csmonitor.com/World/Africa/2019/0312/A-women-s-revolution-Why-women-are-leading-calls-for-change-in-Sudan>.

Campos, N. F., Gassebner, M.

2009. *International Terrorism, Political Instability and the Escalation Effect*. Discussion Paper No. 4061. Bonn: Institute for the Study of Labor.

2013. International Terrorism, Domestic Political Instability, and the Escalation Effect. *Economics & Politics* 25(1): 27–47.

Cassell, K. 2021. *Representation in the Americas: Perceptions of External Efficacy in the 2018/19*. Nashville, TN: Vanderbilt University.

Cline, L. E. 2013. Nomads, Islamists, and Soldiers: the Struggles for Northern Mali. *Studies in Conflict & Terrorism* 36(8): 617–634.

Chouli, L. 2012. *Burkina Faso 2011: Chronique d’un Mouvement Social*. Lyon: Tahin Party.

Coccia, M. 2018. A Theory of the General Causes of Long Waves: War, General Purpose Technologies, and Economic Change. *Technological Forecasting and Social Change* 128: 287–295.

El Sirgani, S., Elbagir, N., Abdullah, Y. 2019. Sudan's President Bashir Forced out in Military Coup. *CNN* April 11. URL: <https://edition.cnn.com/2019/04/11/africa/sudan-unrest-intl/index.html>.

El-Tablawy, T., Slimani, S. 2019. Algeria Army and People Share Unified Vision: Military Chief. *Bloomberg* March 10. URL: <https://www.bloom>

berg.com/news/articles/2019-03-10/algeria-army-and-people-share-unified-vision-on-military-chief.

Elumami, A., al-Warfali, A. 2022. Angry Protests against Feuding Leaders Grip Libyan Cities. *Reuters* July 2. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/power-cut-protests-hit-libyan-cities-showing-anger-factional-leaders-2022-07-01/>.

Fassihi, F. 2019. Iranians Honor Dead Protesters, amid Vows to Fight on. *The New York Times* December 26. URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/26/world/middleeast/iran-protests.html>.

Fassihi, F., Gladstone, R. 2022. Iran Abruptly Raises Fuel Prices, and Protests Erupt. *Iran Watch* November 15. URL: <https://www.iranwatch.org/news-brief/iran-abruptly-raises-fuel-prices-protests-erupt>.

Fraihat, I. 2016. *Unfinished Revolutions. Yemen, Libya, and Tunisia after the Arab Spring*. New Haven: Yale University Press. 304 pp.

Freeman, C. 1987. Technical Innovation, Diffusion, and Long Cycles of Economic Development. In Vasko, T. (ed.), *The Long-wave Debate*. Berlin: Springer. Pp. 295–309.

Gallegati, M., Ramsey, J. B., Semmler, W. 2017. Long Waves in Prices: New Evidence from Wavelet Analysis. *Cliometrica* 11(1): 127–151.

Gassebner, M., Luechinger, S. 2011. Lock, Stock, and Barrel: A Comprehensive Assessment of the Determinants of Terror. *Public Choice* 149(3–4): 235–261.

Gill, J. 2018. Oman Jobs Protest Spreads to Other Cities as Arrests Reported. *Middle East Eye* January 29. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/oman-jobs-protest-spreads-other-cities-arrests-reported>.

Goldstein, J. 1988. *Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age*. New Haven, CT: Yale University Press.

Goldstone, J. A. 2001. Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science* 4: 139–187.

Goldstone, J. A., Bates, R., Epstein, D., Gurr, T., Lustik, M., Marshall, M., Ulfelder, J., Woodward, M. 2010. A Global Model for Forecasting Political Instability. *The American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.

Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. 2022. Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 1–34.

Griffin, T. 2019. People Can't Stop Talking About This Iconic Photo from The Protests in Sudan. *BuzzFeed News* April 9. URL: <https://www.buzz>

feednews.com/article/tamerragriffin/sudan-protests-woman-car-iconic-photo-alaasalah.

Grinin, L., Grinin, A. 2022. Conclusion. New Wave of Middle Eastern Revolutionary Events in the World System Context. In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer. Pp. 257–278.

Grinin, L., Grinin, A., Korotayev, A. 2017. Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing. *Technological Forecasting & Social Change* 115: 52–68.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A.

2016. *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. Cham: Springer. 283 pp.

2019. *Islamism, Arab Spring and Democracy: World System and World Values Perspectives*. Cham: Springer. 364 pp.

Groot, B. de, Frances, P. H.

2008. Stability through Cycles. *Technological Forecasting and Social Change* 75: 301–311.

2012. Common Socio-Economic Cycle Period. *Technological Forecasting and Social Change* 79: 59–68.

Habib, M. 2019. Iraq's Foreign "Allies" Are Killing Iraq's Hope for a Better Future. *Niqash* October 2. URL: <https://www.niqash.org/en/articles/politics/5999/>.

Hamadi, G. 2019. Unemployment: The Paralysis of Lebanese Youth. *Annahar* August 2. URL: <https://www.annahar.com/english/article/1004952-unemployment-the-paralysis-of-lebanese-youth>.

Harsch, E. 2017. *Burkina Faso. A History of Power, Protest and Revolution*. London: Zed. 287 pp.

Hass. 2019. Fatah Spokesman in Gaza Attacked by Masked Assailants Amid Protests. *Haaretz* March 19. URL: <https://www.haaretz.com/middle-east-news/palestinians/2019-03-19/ty-article/premium/fatah-spokesman-attacked-near-home-by-masked-assailants-amid-gaza-economic-protests/0000017f-e7d3-da9b-a1ff-eff87690000>.

Hassan. 2020. Thawrah bi-kull buldan. *YouTube* January 10. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AyZXGGuRz1Y>.

Heavy Security Clampdown on Anti-Sisi Protests as State Mobilizes Supporters to Rally. 2019. September 27. URL: <https://www.madamasr.com/en/2019/09/27/news/politics/ongoing-coverage-of-september-27-protests-in-egypt/>.

Hill, G. 2017. *Yemen Endures: Civil War, Saudi Adventurism and the Future of Arabia*. Oxford: Oxford University Press. 409 pp.

Hirooka, M. 2006. *Innovation Dynamism and Economic Growth. A Non-linear Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar.

Humaid. 2019. Gaza Rights Groups Denounce Hamas Crackdown on Protests. *Al Jazeera* March 19. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/3/19/gaza-rights-groups-denounce-hamas-crackdown-on-protests>.

In Rare Protests, Egyptians Demand President el-Sisi's Removal. 2019. *Al Jazeera* September 21. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/9/21/in-rare-protests-egyptians-demand-president-el-sisis-removal>.

Iran Fuel Protests Ongoing. 2019. *Radio Farad* 06.07.2019. URL: <https://translate.google.com/?sl=fa&tl=en&text=%DB%B2%DB%B5%2F%D8%A2%D8%A8%D8%A7%D9%86%2F%DB%B1%DB%B3%DB%B9%DB%B8&op=translate>.

Iraqi PM Formally Submits Resignation amid More Violence. 2019. *Politico* November 29. URL: <https://www.politico.com/news/2019/11/29/iraq-prime-minister-resign-worsening-crisis-074396>.

Issaev, L., Fain, E., Korotayev, A. 2021. Impact of the Arab Spring on Terrorist Activity in the Sahel. *Ideology and Politics Journal* 3: 34–49.

Issaev, L., Khokhlova, A., Korotayev, A. 2022. The Arab Spring in Yemen. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 685–705.

Jordan PM Hani al-Mulki Resigns amid Mass Protests over Tax Bill. 2018. *Al Jazeera* June 4. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/6/4/jordan-pm-hani-al-mulki-resigns-amid-mass-protests-over-tax-bill>.

Jordanian PM Rejects Demands to Scrap Tax Law after Protests. 2018. *The Indian Express* June 3. URL: <https://indianexpress.com/article/world/jordanian-pm-rejects-demands-to-scrap-tax-law-after-protests-5202054/>.

Kalyvas, S. N. 2015. Is ISIS a Revolutionary Group and if Yes, What are the Implications? *Perspectives on Terrorism* 9(4): 42–47.

Kashina, A. 2022. Tunisia. Revolution of Ballot Boxes. In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer. Pp. 137–168.

Kaul, S. 2020. Lebanon Revolution Slogans. *YouTube* January 23. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XLtpwkhQo0s&t=22s>.

Keenan, J. 2013. *The Dying Sahara. US Imperialism and Terror in Africa*. London: Pluto Press.

Khatib, D. K. 2022. 17 October (2019) Revolution in Lebanon. A Preliminary Analysis. In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer. Pp. 75–94.

Khokhlov, N., Korotayev, A. 2022. Internet, Political Regime and Terrorism: A Quantitative Analysis. *Cross-Cultural Research* 56(4): 385–418.

Kondratieff, N.

1926. Die langen Wellen der Konjunktur. *Archiv fuer Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* 56(3): 573–609.

1935. The Long Waves in Economic Life. *The Review of Economic Statistics* 17(6): 105–115.

1984. *The Long Wave Cycle*. New York, NY: Richardson & Snyder. 138 pp.

Korotayev, A., Bilyuga, S., Shishkina, A. 2020. Which Countries Generate Kondratieff Waves in Global GDP Growth Rate Dynamics in the Contemporary World? *Journal of Globalization Studies* 11(1): 33–63.

Korotayev, A., Grinin, L. 2012. Kondratieff Waves in the World System perspective. In Grinin, L., Devezas, T., Korotayev, A. (eds.), *Kondratieff Waves. Dimensions and Prospects at the Dawn of the 21st Century*. Volgograd: Uchitel. Pp. 23–64.

Korotayev, A., Issaev, L., Malkov, S., Shishkina, A. 2022. The Arab Spring: A Quantitative Analysis. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 781–810.

Korotayev, A., Issaev, L., Shishkina, A. 2014. The Arab Spring. A Quantitative Analysis. *Arab Studies Quarterly* 36(2): 149–169.

Korotayev, A., Issaev, L., Zinkina, J. 2015. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 461–488.

Korotayev, A., Khokhlova, A.

2022a. Revolutionary Events in Mali, 2020–2021. In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham, Springer. Pp. 191–218.

2022b. Effect of the Arab Spring on Stabilization Capacity of the MENA Monarchies. *Journal of Asian and African Studies* 57(2): 289–307.

Korotayev, A., Medvedev, I., Zinkina, J. 2022. Global Systems for Sociopolitical Instability Forecasting and Their Efficiency. A Comparative Analysis. *Comparative Sociology* 21(1): 64–104.

Korotayev, A., Meshcherina, K., Shishkina, A. 2018. A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis. *Democracy and Security* 14(4): 331–357.

Korotayev, A., Shishkina, A., Khokhlova, A. 2022. Global Echo of the Arab Spring. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 813–849.

Korotayev, A., Vaskin, I., Romanov, D. 2021. Terrorism and Democracy. A Reconsideration. *Comparative Sociology* 20(3): 344–379.

Korotayev, A., Zinkina, J., Bogevolnov, J. 2011. Kondratieff Waves in Global Invention Activity (1900–2008). *Technological Forecasting and Social Change* 78(7): 1280–1284.

Kostelyanets, S. 2022. Sudan's December Revolution and the Demise of the Al Bashir Regime. In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer. Pp. 33–56.

Kozhanov, N. 2022. Sanctions and the Socio-Economic Routs of Iran's Domestic Instability (2010–2020). In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer. Pp. 219–242.

Lawson, G. 2019. *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press. 296 pp.

Lebanon Scraps WhatsApp Fee amid Violent Protests. 2019. *Reuters* October 17. URL: <https://www.reuters.com/article/ctech-us-lebanon-economy-calls-idCAKBN1WW1ZA-OCATC>.

Lecocq, B., Klute, G. 2013. Tuareg Separatism in Mali. *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis* 68(3): 424–434.

Lia, B. 2016. Jihadism in the Arab World after 2011: Explaining its Expansion. *Middle East Policy* 33(4): 74–91.

Linstone, H. A., Devezas, T. 2012. Technological Innovation and the Long Wave Theory Revisited. *Technological Forecasting and Social Change* 79(2): 414–416.

Luengo-Cabrera, J. 2012. Symptoms of an Enduring Crisis: Prospects for Addressing Mali's Conflict Catalysts. *African Policy Journal* 8: 9–19.

Mandel, E. 1980. *Long Waves of Capitalist Development*. Cambridge: Cambridge University Press. 174 pp.

Manifestations massive en Algérie contre un cinquième mandat de Bouteflika. 2019. *La Tribune* mars 2. URL: <https://www.latribune.fr/economie/inter>

national/manifestations-massive-en-algerie-contre-un-cinquieme-mandat-de-bouteflika-809355.html.

Mansour, S., Elhefnawy, H. 2022. Egyptian Protests 2019: Harbingers of a New Revolution? In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer. Pp. 169–190.

Mardasov, A. 2022. Revolutionary Protests in Iraq in the Context of Iranian-American Confrontation. In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer. Pp. 95–108.

Melkoumyan, E. 2022. Why has the Recent Wave of Revolutions in the MENA Region Missed Kuwait and Bahrain? In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer. Pp. 243–256.

Mensch, G. 1979. *Stalemate in Technology – Innovations Overcome the Depression*. New York, NY: Ballinger. 241 pp.

Metaoui, F. 2019. Les mobilisations anti-Bouteflika s'intensifient en Algérie. *Le Parisien* mars 4. URL: <https://www.leparisien.fr/international/les-mobilisations-anti-bouteflika-s-intensifient-en-algerie-04-03-2019-8024841.php>.

Modelski, G. 2001. What Causes K-waves? *Technological Forecasting and Social Change* 68: 75–80.

Modis, T. 2017. A Hard-science Approach to Kondratieff's Economic Cycle. *Technological Forecasting and Social Change* 122: 63–70.

Moll, Y. 2014. The Wretched Revolution. *Middle East Report* 273: 34–39.

Moseley, W. 2017. The Minimalist State and Donor Landscapes: Livelihood Security in Mali during and after the 2012–2013 Coup and Rebellion. *African Studies Review* 60(1): 37–51.

MP Referred to Ethics Committee over Reform Initiative Calling for Sisi's Early Departure from Office. 2019. *Mada Masr* November 9. URL: <https://www.madamasr.com/en/2019/11/09/feature/politics/mp-referred-to-ethics-committee-for-proposing-reform-initiative-calling-for-sisis-early-departure-from-office/>.

Nefiodow, L. 2017. *The Sixth Kondratieff: A New Long Wave in the Global Economy*. Scotts Valley, CA: CreateSpace. 252 pp.

Norkus, Z. 2016. On Global Social Mobility, or How Kondratieff Waves Change the Structure of the Capitalist World System. *Kondratieff Waves* 3: 121–152.

Nossiter, A.

2019a. Algeria Army Chief Opens Path to End of Bouteflika's Rule. *The New York Times* March 26. URL: <https://www.nytimes.com/2019/03/26/world/africa/algeria-army-president-bouteflika.html>.

2019b. Algerian Leader Bouteflika Resigns Under Pressure From Army. *The New York Times* April 2. URL: <https://www.nytimes.com/2019/04/02/world/africa/Abdelaziz-Bouteflika-resigns.html>.

Oman Launches New Job Center Service for Locals as Expat Visa Ban Continues. 2019. *Arab News* January 6. URL: <https://www.arabnews.com/node/1431146/business-economy>.

Ortmans, O., Mazzeo, E., Meshcherina, K., Korotayev, A. 2017. Modeling Social Pressures Toward Political Instability in the United Kingdom after 1960: A Demographic Structural Analysis. *Cliodynamics* 8(2): 113–158.

Ouali. 2019. Algérie: et le camp “Boutef” flippa. *Liberation* avril 7. URL: https://www.liberation.fr/planete/2019/03/07/algerie-et-le-camp-boutef-flippa_1713690/.

Phelan, C. 2016. Plus ça change: Trade Unions, the Military and Politics in Burkina Faso, 1966 and 2014. *Labor History* 57(1): 107–125.

Piazza, J. A.

2007. Draining the Swamp: Democracy Promotion, State Failure, and Terrorism in 19 Middle Eastern Countries. *Studies in Conflict and Terrorism* 30(6): 521–539.

2008a. Do Democracy and Free Markets Protect Us from Terrorism? *International Politics* 45(1): 72–91.

2008b. Incubators of Terror: do Failed and Failing States Promote Transnational Terrorism? *International Studies Quarterly* 52(3): 469–488.

Présidentielle en Algérie: Benflis, principal adversaire de Bouteflika, renonce. 2019. *L'Obs* avril 3. URL: <https://www.nouvelobs.com/monde/2019/03/03/OBS1105/presidentielle-en-algerie-benflis-principal-adversaire-de-bouteflika-renonce.html>.

Press Release from Algerian Women for Change towards Equality. 2019. April 9. URL: <https://www.pressegauche.org/Communique-des-Femmes-Algeriennes-pour-un-Changement-vers-l-Egalite>.

Protesters and Police Clash in Egypt for Second Day Running. 2019. *The Guardian* September 22. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/22/protesters-and-police-clash-in-egypt-for-second-day-running>.

Qatar Pledges 10,000 Jobs, \$500 mn in Investment for Jordan. 2018. *France24* June 13. URL: <https://www.france24.com/en/20180613-qatar-pledges-10000-jobs-500-mn-investment-jordan>.

Rozov, N. 2022. Typology and Principles of Dynamics of Revolutionary Waves in World History. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 241–264.

Saba, Y., Eltahir, N. 2019. Sudan Restricts Social Media access to counter protest movement. *Reuters* January 2. URL: <https://www.reuters.com/article/us-sudan-protests-internet/sudan-restricts-social-media-access-to-counter-protest-movement-idUSKCN1OW0Z7>.

Saouli. 2019. Lebanon: What Protests against the Sectarian Elite Mean for Hezbollah. *The Conversation* November 49. URL: <https://theconversation.com/lebanon-what-protests-against-the-sectarian-elite-mean-for-hezbollah-126224>.

Schumacher, M. J., Schraeder, P. J. 2021. Does Domestic Political Instability Foster Terrorism? Global Evidence from the Arab Spring Era (2011–2014). *Studies in Conflict & Terrorism* 44(3): 198–222.

Schumpeter, J. A. 1939. *Business Cycles*. New York, NY: McGraw-Hill.

Several Killed in Sudan as Protests over Rising Prices Continue. 2018. *Al Jazeera* December 21. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/12/21/several-killed-in-sudan-as-protests-over-rising-prices-continue/>.

Shaw, S. 2013. Fallout in the Sahel: The Geographic Spread of Conflict from Libya to Mali. *Canadian Foreign Policy Journal* 19(2): 199–210.

Simons, G. 2016. Islamic Extremism and the War for Hearts and Minds. *Global Affairs* 2(1): 91–99.

Slinko, E., Bilyuga, S., Zinkina, J., Korotayev, A. 2017. Regime Type and Political Destabilization in Cross-national Perspective: A Re-analysis. *Cross-Cultural Research* 51(1): 26–50.

Smith-Spark, L. 2018. Tunisia Protests: Why are People Taking to the Streets? *The Property Gazette* January 11. URL: <https://web.archive.org/web/20180711093429/https://thepropertygazette.org/2018/01/11/tunisia-protests-why-are-people-taking-to-the-streets/>.

Solomon, H. 2013. Mali: West Africa's Afghanistan. *The RUSI Journal* 158(1): 12–19.

Springborg, R.

2015. *President Sisi's Delegative Authoritarianism*. Roma: Istituto affari internazionali.

2016. Caudillismo along the Nile. *The International Spectator* 51(1): 74–85.

Testas, A. 2004. Determinants of Terrorism in the Muslim World: an Empirical Cross-sectional Analysis. *Terrorism and Political Violence* 16(2): 253–273.

Thompson, W. 2016. Revising a Long-Term Perspective on Kondratieff Phenomena. *Kondratieff Waves* 3: 203–209.

Thurston, A., Lebovich, A. 2013. *A Handbook on Mali's 2012–2013 Crisis*. Evanston IL: Institute for the Study of Islamic Thought in Africa.

Toronto, N. 2011. Egypt's "Coup-volution". *Middle East Insights* (6): 1–3.

Two-day Death Toll in Violent Iraq Protests Reaches 67. 2019. *Voice of America* October 26. URL: https://www.voanews.com/a/middle-east_two-day-death-toll-violent-iraq-protests-reaches-67/6178307.html.

UWKmedia. 2012. Shams el 7orya. *YouTube* February 18. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NIwlKmKbJh8>.

Wege, C. 2015. Urban and Rural Militia Organizations in Syria's Less Governed Spaces. *Journal of Terrorism Research* 6(3): 35–61.

Weiss, M., Hassan, H. 2016. *ISIS: Inside the Army of Terror*. New York: Simon and Schuster.

Wingrove, J., Wainer, D. 2019. Trump Backs Egypt's Sisi after Rare Protests Spark Crackdown. *Bloomberg* September 24. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-09-23/trump-shrugs-off-egypt-protests-says-el-sisi-highly-respected#xj4y7vzkg>.

Young, M. 2019. How Deep is Anti-Iranian Sentiment in Iraq? *Carnegie Middle East Center* November 14. URL: <https://carnegie-mec.org/diwan/80313>.

Zakharov, A., Issaev, L. 2022. Roots of New Wave of Protests in Jordan. In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer. Pp. 109–136.

Zerrouky, M. 2019. A Kherrata, aux sources du soulèvement algérien. *Le Monde Afrique* juin 8. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2019/06/08/a-kherrata-aux-sources-du-soulevement-algerien_5473351_3212.html.

Zmirli. 2019. Annonces de Bouteflika: les Algériens plus que sceptiques. *Le Point Afrique* mars 4. URL: https://www.lepoint.fr/afrique/annonces-de-bouteflika-les-algeriens-plus-que-sceptiques-04-03-2019-2298039_3826.php.

Zoubir, Y. 2022. The Crisis of the Rentier State: How the Revolution of Smiles has Brought down the Sultanistic Regime in Algeria. In Issaev, L., Korotayev, A. (eds.), *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Cham: Springer. Pp. 57–74.